

Постепенно отношения между остальными членами семьи Чжуан и братом с сестрой Чжуан становились всё более отдалёнными. Учитывая, что они были лишь дальними родственниками, на вечернем семейном ужине присутствовала только семья Чжуан Цинцзэ — четверо человек, без приглашения других членов клана Чжуан.

Что касается семьи Цюй, то неизвестно, было ли это упущением Чжуан Цинцзэ или же Цюй сами отказались, но на ужине их представителей не было.

В этот момент Цюй И ещё не знал, что Госпожа Чжуан через Чжуан Цинцзэ уже узнала о его «намерении» повеситься. Вместе с Лян Каншэном они наконец-то начали понимать, как работает система.

Ранее Лян Каншэн смог встать с постели и жениться на Цюй И только благодаря тому, что принял кусочки женьшеня и выпил отвар из него. Однако после столь долгого напряжения эффект женьшеня начал ослабевать, и его лицо стало бледнеть.

Цюй И, хорошо знавший состояние Лян Каншэна, не мог позволить ему продолжать переутомляться. Он уложил Лян Каншэна и, с привычной лёгкостью, начал массировать ему голову.

Знакомый аромат и прикосновения постепенно успокоили Лян Каншэна, который до этого момента был напряжён. Под ласковыми руками Цюй И он закрыл глаза и погрузился в отдых.

Дождавшись, пока Лян Каншэн крепко уснёт, Цюй И тихо накрыл его одеялом и задумался о том, как им жить дальше.

В прошлой жизни дядя говорил ему, что в делах семьи Лян что-то нечисто, но до своей смерти Цюй И так и не смог выяснить, кто именно желал зла семье Лян.

Цюй И всегда был далёк от внешних дел и людей, так как в первые дни после вступления в семью Лян он был слишком обижен, чтобы думать о налаживании отношений с её членами.

Когда же их с Лян Каншэном недоразумения разрешились, отец Лян не выдержал и скончался от болезни. После этого им пришлось соблюдать трёхлетний траур, в течение которого Цюй И редко возвращался даже в семью Цюй.

После окончания траура Лян Каншэн отправился в окружной город на окружной экзамен. С его знаниями сдать экзамен не составило бы труда, но во время него он простудился, вернулся домой и, не дожив до Нового года, скончался.

Перебрав в уме всех, кого знал и с кем был знаком, Цюй И вдруг вспомнил одного человека — младшего дядю со стороны мужа, Чжуан Цинцзэ.

Во время трёхлетнего траура по отцу Лян управление винокурней семьи было передано Чжуан Цинцзэ. Однако за эти годы на крупной винокурне постоянно происходили неприятности, она не приносила дохода и постепенно истощила состояние семьи Лян.

Хотя Цюй И подозревал его, он не понимал, какую выгоду мог извлечь дядя, если бы это действительно был он. Он помнил, как в день, когда винокурня окончательно закрылась, дядя напился до беспамятства и говорил, что подвёл семью Лян и отца Лян.

Встав и выдохнув из груди застоявшийся воздух, Цюй И сделал несколько кругов по комнате, решив обсудить это с Лян Каншэном, когда тот проснётся.

Если бы Лян Каншэн был тем же человеком, что и в прошлой жизни, только что женившимся на нём, Цюй И не стал бы делиться своими подозрениями, так как не был уверен, кому тот поверит.

Но теперь Лян Каншэн был человеком, с которым он прожил несколько лет, и Цюй И верил, что тот не станет его неправильно понимать.

Лян Каншэн проспал полтора часа. Проснувшись, он увидел, что Цюй И сидит на мягком диване у окна, тихо читая книгу.

Не двигаясь, Лян Каншэн лежал и смотрел, как тёплый солнечный свет озаряет Цюй И, вызывая в его сердце волнение.

В этот момент Лян Каншэн был бесконечно благодарен системе за то, что она спасла их жизни, позволив ему видеть и ощущать тёплое и реальное присутствие Игэ.

Раньше Лян Каншэн думал, что учёба и сдача императорских экзаменов были для него важнее всего, кроме родителей. Но когда он столкнулся со смертью, то понял, что самое важное для него — это Цюй И, его супруг, который давно стал неотъемлемой частью его сердца.

Лян Каншэн решил, что в этой жизни он постарается укрепить своё здоровье, и даже если не сможет больше учиться и сдавать экзамены, он будет жить счастливо рядом со своим супругом.

Цюй И заметил, что Лян Каншэн проснулся, только спустя некоторое время, когда тот уже долго смотрел на него.

— Почему не разбудил меня?

Цюй И отложил книгу и встал, чтобы помочь Лян Каншэну. Эти действия давно стали для него привычными, и он не чувствовал никакого дискомфорта.

Лян Каншэн с сожалением вздохнул, видя, как прекрасный вид из окна исчезает, и сел на кровати:

— Игэ, ты сиди. Сейчас я чувствую себя гораздо лучше и могу справиться сам.

Хотя Лян Каншэн сейчас выглядел бодрым и здоровым, в сознании Цюй И он всё ещё оставался слабым, поэтому он продолжил помогать ему с одеждой.

Подумав, Лян Каншэн не стал отказываться от помощи Цюй И и, одеваясь, заговорил:

— Игэ, ты только что читал «Записки Юй Мэна»?

Все книги в их доме Лян Каншэн перечитывал множество раз и знал каждую из них наизусть. Даже издали он мог по нескольким словам определить, какая это книга.

Цюй И кивнул, слегка смущаясь:

— Да, эта книга сложнее, чем те, что ты давал мне раньше.

Раньше Лян Каншэн учил Цюй И грамоте по учебникам для начинающих, которые, естественно, были проще. Однако в этой книге были заметки Лян Каншэна, и когда Цюй И не понимал смысла текста, он мог обратиться к ним и понять большую часть.

Одевшись, Лян Каншэн взял Цюй И за руку и усадил его рядом с собой на диван у окна, с лёгкой улыбкой на губах:

— Эта книга действительно сложнее. Что именно тебе непонятно, я объясню.

Свет заката ранней весны был мягким и тёплым, освещая лицо Лян Каншэна, подчёркивая его черты.

В этот момент Лян Каншэн ещё не был настолько худым, что оставались только яркие глаза. Он был стройным, с благородным лицом и ясным голосом. Цюй И на мгновение замер, а затем покраснел.

Лян Каншэн, держа книгу, смотрел на Цюй И, и его улыбка стала шире, а глаза загорелись:

— Супруг, твой муж красив?

Не ожидая таких слов, Цюй И широко раскрыл глаза, в которых обычно скрывалась лёгкая печаль. Теперь же в них читалось лишь удивление, а его лицо покрылось румянцем, делая его ещё более привлекательным для Лян Каншэна.

— Ну, раз уж ты так широко раскрыл глаза, видно, что супругу нравится, — Лян Каншэн отложил книгу и повернулся, сократив расстояние между ними.

Цюй И, глядя на Лян Каншэна, в глазах которого сверкал необычный блеск, замер, чувствуя, как сердце бьётся всё быстрее. Знакомый человек и незнакомые ощущения смешались, и он не мог понять, что с ним происходит.

Раньше их отношения с Лян Каншэном были спокойными. Цюй И заботился о нём, а Лян Каншэн, когда чувствовал себя хорошо, учил его грамоте. Их отношения напоминали скорее дружбу или ученичество, с лёгким оттенком уважения со стороны Цюй И.

Но сейчас между ними осталась только близость и нежность, и Цюй И чувствовал себя немного растерянным.

Лян Каншэн, наблюдая за дрожащими ресницами Цюй И, сдержал свои чувства и рассмеялся:

— Что, думаешь, раньше, когда я болел, я выглядел слишком болезненно? Сейчас я ещё не совсем ослабел, так что вряд ли могу напугать тебя.

Расстояние между ними немного увеличилось, и напряжённая атмосфера постепенно рассеялась.

Цюй И, глядя на Лян Каншэна, который был худым, но всё ещё красив, невольно опустил взгляд и тихо ответил:

— Нет, очень красив.

Эти слова можно было понять так, что и раньше, когда Лян Каншэн болел, он не выглядел болезненно, и сейчас он всё так же красив.

Реакция Цюй И заставила Лян Каншэна сжаться внутри. Как же он раньше не замечал, насколько Игэ очарователен? К счастью, у него появился шанс начать всё заново. Он пристально смотрел на Цюй И, не в силах оторвать взгляд.

Немного посидев с опущенной головой, Цюй И наконец справился с смущением и, преодолев первоначальное удивление, решил поговорить с Лян Каншэном о серьёзных вещах.

Лян Каншэн мысленно вздохнул с сожалением, но, увидев серьёзное выражение лица Цюй И, стал внимательно слушать.

Цюй И заговорил о Чжуан Цинцзэ, и лицо Лян Каншэна стало серьёзным. После своей смерти в прошлой жизни он долго следовал за Цюй И и размышлял обо всём, что произошло. Он думал глубже, чем Цюй И, и самым подозреваемым для него также был Чжуан Цинцзэ, человек, которому они когда-то доверяли больше всего.

Они проговорили недолго, как за пределами двора послышались шаги. Лян Догу, посланный своей матерью Цяоцинь, пришёл пригласить молодых людей на церемонию подношения вина и семейный ужин.

Лян Каншэн похлопал Цюй И по руке:

— Будь то дядя или нет, сегодня вечером мы всё увидим.

<http://bllate.org/book/16698/1533322>